20 ИЮЯ 1983

СТРОИТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ВАШ ВЫХОД, ПРОРАБ!

«Круглый стол» в Московском театре миниатюр проводят «Строительная газета» и журнал «Театр»

Московский театр миниатюр выпустил спектакль «Линия». В основе одноименная повесть, автор которой — прораб Александр Бегай, постановка Михаила Анритина, Сценография Валерия Фомина. Музыкальное оформление Эдуарда Мельникова.

Время действия — наши дни. Место действия — стройплощадка. Ни шатко ни валко идет сооружение научно-производственного комплекса института геологии. Вдруг — указание министерства: во что бы то стало сдать объект до конца текущего года. Аврал, напряжение сил, сверхнапряжение, отчаяние и — обрыв баз. Успели. Таков сюжетный фон. А на нем — отрезки иной жизни нескольких персонажей.

Прораб Толя Скибин (артист В. Гусев) — человек талантливый и преданный делу, всегда готов «тянуть воз», и умеет его «вытянуть». Женя Елкимов (В. Шимановский), напротив, не выдерживает тяжелой прорабской ноши — уходит в плотники. Третий прораб, Валера Тарасенин (А. Лущик) — «салага», которого критическая ситуация обращает в профессионала. Начальник участка Андреев (Е. Лобанов) решительно вырвал свою душу из объятий производства, оставив работе, так сказать, одно тело, и то ровно на восемь положенных часов.

«Строительную» газету и журнал «Театр» пригласили в первую очередь актуальность проблематики спектакля. Он не содержит рекомендаций, как управлять делом в строительной отрасли, там не менее — в соответствии с духом времени — нацеливает именно на дела. Его коллизии касаются насущных вопросов планирования и управления. Отражают реальные производственные отношения. Побуждают всерьез задуматься о хозяйственной дисциплине, об использовании материальных и духовных ресурсов, которыми располагает наше общество.

Все это побудило газету и журнал провести в театре миниатюр «круглый стол». Представляем его участников: **Нина АГИШЕВА** — критик; **Ольга ГРОМОВА** — заведующая культурно-массовым отделом ЦК нашего профсоюза; **Мария СЕДЫХ** — критик; **Алексей АЛТАЕВ** — социолог; **Вадим ЗАРУБИН** — инженер-строитель, кандидат экономических наук; **Николай СЕРГАЧЕВ** — бригадир, Герой Социалистического Труда; а также **Александр БЕЛЯЙ** и **Михаил ЛЕВИТИН**.

СКИБИН ИЗ ПЬЕСЫ ИЛИ БЕЛИКОВ ИЗ ЖИЗНИ?

Н. Сергачев. Мы, участники «круглого стола», — представители двух сфер, и в силу определенных умыслов организаторов. Они, очевидно, рассчитывают, что строители определят достоверность и актуальность спектакля, а критики — его художественный уровень. Я, по-видимому, приглашен в качестве производственного эксперта. Ну что ж, свидетельствую: в спектакле все — правда. И то, что объект может быть заброшен не несколько лет. (Мы, например, еще в 1977 году построили один институт, а он до сих пор не сдан, все не доведут до конца, хотя дел там осталось чуть-чуть). И аврал внезапный, когда хоть разорвись, а построй и сдай. — эта ситуация тоже очень типична.

Правда и то, что тяжела жизнь прораба. На нем фактически держится любая стройка. Все от него зависит, но, с другой стороны, и он зависит от всех. Каждого он должен упросить — кого во вторую смену поработать, кого в выходной выйти... Потому что вечно не хватает людей, вечно что-то рвется. А кому штраф? Прорабу-великомученику. И все требуют: давай фронт работ! А как он его дает, какой ценой, это никого не волнует.

Словом, в названии дела Бегая не угадешь. А это, между прочим, на таком же частом явление. Сколько мы знаем примеров, когда человек пишет о том, чего толком не знает. Здесь же в жизнях героев, «белых пятен» не обнаружишь.

В. Зарубин. В названии предмета автора не заподозришь, это верно. Но давайте задумаемся о социальном эффекте спектакля. Проблем в строительстве сегодня более чем достаточно. Одна из серьезных — дисбаланс. Слишком много людей не задерживаются на стройке. Вот печальные факты. В проектирующих строительного профиля недобор, из года в год. В Московском инженерно-строительном институте — то же самое. А в Плехановском институте на товароведческом факультете конкурс: тридцать человек на место. Чувствительная разница, если учесть, что строителя глаза, что называется, непрестижной. Нужно буквально биться за кадры, много выхода нет. Необходима работа в сфере профориентации, работа средств пропаганды, в том числе театра.

Так вот, представьте: приходит к вам в зал молодежь, выпускники школ. И видят стройплощадку. А на ней, простите, сумасшедший дом. Выпускная этот спектакль, вы блистательно отгоняете от строительства сотни, а то и тысячи людей.

Н. Агишева. Так нельзя подходить к художественным произведениям!

Н. Сергачев. Интересно, что думает об этом режиссер. Как вообще взяли ваш спектакль?

М. Левитин. Все мы горазды говорить о глобальных задачах. Но мне кажется, ли вам, что мы живем жизнью страны, находясь как бы в отдалении от этой жизни. У нас есть театр, у кого-то — стройка, и все это повязь, не единая картина. Нет к чему. Когда культуры мне представляется особой «производственной» спектакль, я отказался. Сказал: тут я не силен. А через два дня прочитал «Линию». И решил, что повесть эта не о строительстве, хотя, конечно, и о строительстве. Что она о недостатках той линии, на которой работает Скибин, хотя, конечно, и о недостатках. Что она — обо мне. Здесь затронута чрезвычайно важная общая проблема. Проблема человеческого призвания. Сколько бы мы ни рассуждали о необходимости хорошо работать, существует просто работник и существует творец. Понимаю, что таким подходом я как бы выделяю некоторых людей из общего ряда, но не думаются, пришло время говорить о талантливом работнике.

В. Зарубин. Вам, видимо, представляется, что хороший, талантливый прораб — это какой-то самозародившийся человек, способный своей энергией, одним энтузиазмом закрутить весь производственный процесс. Что ж, в известной мере так оно и есть... Но все же прораб прорабу рознь. Настоящий прораб не крутится, как вам Скибин, не носится по площадке и не орет: «Иванов, тащи сюда доску!». Поймите, вы создали тип несовременного прораба. Прораба уходящего времени. Времени нашей штурмщины. Пусть сегодня таких еще много на стройке, может быть, большинство. Но время со сцены показывают якобы образец творческого подхода к строительному делу!

А. Алтаев. Обратите внимание: Левитин закурил. Вы ведь некурящий, Михаил Захарович.

М. Левитин. (Курит). Некурящий.

В. Зарубин. Не так давно я прочитал в «Строительной газете» корреспонденцию о некоем прорабе Беликове, работающем в Главспецстрое. Поехал к нему. Беликов не бегал по стройке, не кричал, а спокойно сидел и вычерчивал графики строительства, оформлял документы. Но он-то и есть тот уникальный прораб, что вдохновляет. Он заставляет крутиться всех, а том числе и свое руководство.

В общем, мне представляется, что именно Беликов, а вовсе не Скибин — настоящий творец.

...И СНИКЛИ БОЙКИЕ МАЛЯРШИ

Н. Агишева. Хотелось бы напомнить, что мы все-таки обсуждаем спектакль, а не методы работы прораба на современной стройке. Мне как зрителю совершенно все равно, какую технологию из тех, о которых тут только что нам рассказывали, выберет герой: будет он носиться по объекту, сломя голову, и во все вникать сам или сидеть в кабинете, вычерчивать графики и оттуда руководить процессом. Мне важно, чтобы он прежде всего был живым и интересным человеком, с сложным, меняющимся, волнующим внутренним миром. Глядя на сцену, мы ждем встречи именно с человеком, и его профессия не столь уж существенна.

Думаю, Левитин в «Линии» блестяще подтвердил свою репутацию художника, исповедующего активную, образную режиссуру, умеющего на наших глазах выстраивать оригинальный мир спектакля со своими законами и своей диалектикой. Прекрасная находка — ритм работы, музыка творчества, которые слышит Скибин. Без вдохновения не может быть подлинного успеха в работе — старая, казалось бы, истина. Левитин открывает ее на сцене заново и столь увлеченно, непосредственно, что очевидно: открывает и до нас, и для себя. Помотает Скибин руку, посмотрит весело куда-то вдаль, щелкнет пальцами — и вот она звучит, музыка работы, когда все ладится, спорится.

Эта сценическая метафора интересна не сама по себе. Это ключ к замыслу постановки в целом. Мне кажется, такого рода «музыкальный слух» в высшей степени присутствует и у самого автора повести. И этим она прежде всего привлекает, а не описанием производственных и бытовых подробностей.

М. Седых. Мы, похоже, забыли, что не только на сцену, но и на жизнь можно смотреть не глазами строителя или театрального критика, а глазами — людей. Замкнутость на служебных темах, в какой бы сфере ни трудился человек, ограничивает его и порой в конечном счете опустошает. Но с этим ли связаны «проблемы свободного времени», которыми озабочены социологи, не исходят ли душевные драмы людей, боящихся ухода на пенсию? Заслуженный отдых, обеспеченную старость они воспринимают словно наказание. Они не готовы к тому, чтобы распорядиться собой, не знают, что с самим собой делать.

Вспомните одну из последних сцен спектакля. Объект наконец-то сдан, позади авралы. Все собрались, чтобы в своем кругу отпраздновать трудовые достижения. Но отчего же эти приносные, бойкие малярши, этот степенный, мастеровитый столяр, эти люди, такие уверенные, знающие свое место там, на стройке, оказываются такими потерянными, почти жалкими здесь, на своем празднике? Мне кажется, Левитин, обратившись к так называемой производственной теме, повернул ее новой гранью. Он хочет заставить нас почувствовать, что производство — только часть нашей жизни. Часть. И от того, как проживаем мы другую, зависит и то, как мы работаем.

Скибин и Андреев — два полюса, равноудаленных от того гармоничного человека, которого хотелось бы видеть героем. У одного — талант творчески работать и нет дара жить. Другой на наших глазах обретает вкус к жизни и прозревает на работе. Полнота же счастья недоступна им обоим.

О. Громова. Похоже, многое еще неладно в организации производства, если оно ставит человека перед выбором. И видно, не нашлось у автора прототипа, который гармонично совмещал бы в себе лучшие черты Скибина и Андреева. Что ж, правда надо смотреть в глаза...

СКВОЗНОЕ ДЕЙСТВИЕ, СКВОЗНОЙ ПОДРЯД

А. Алтаев. Авторы спектакля мне кажется, четко уловили еще одно явление нашей действительности: сегодня на социальную арену выходит новая фигура. Поясню.

Ситуация взаимного перекладывания ответственности достаточно типична и для строительства, и для искусства, и, пожалуй, для любой сферы. Ныне об этом ясно и неприкрыто говорится на всех уровнях — от Пленума ЦК нашей партии до планерки на производстве. Эта проблема — в зоне внимания прессы: разверните любую газету — и вы натыкаетесь на нетолстеньку. И вот, в центре спектакля театром поставлен Скибин — персонаж, который, на мой взгляд, олицетворяет собой незаменимость в акте ответственности. Иными словами, в конце сколь угодно длинной цепочки возникает фигура, которая должна взять на себя всю меру ответственности. Явление этой фигуры в спектакле — принципиальная удача.

Скибин необычен своим стилем: он каждый раз берется с учетом статистической природой «рядового линия», «какого-то там» прораба. Он не хочет уподобляться «органному штифту», одному из персонажей Достоевского, функционирующему в отвлеченной системе формуляров и предписаний.

А. Белый. Именно это для меня было важно — как живет человек в процессе работы. Что для него главное — сам он или его дело. Скибин совершенно альтруистичен по натуре, сам для себя он не главный. Вот Андреев — тот наоборот. Поэтому он антипод Скибина, он, а не Елкимов, Елкимов просто ушел, сломался и ушел. Многие уходят. Кем только не работают инженеры: пожарниками, сантехниками, даже могилы копают...

Когда мне позвонил Левитин и сказал, что хочет ставить «Линию», я был поражен. Я считал, что язык театра или кино повесть не соответствует. Потом он стал рассказывать, как собирается ее поставить. И тут я опять поразился: он был чуть ли не единственным, кто понял все то, что заставило меня написать «Линию», все самое сокровенное... Я ведь не думал показывать образцового прораба.

О. Громова. Честно говоря, я тоже считаю, что пропаганда передового опыта не может быть целью искусства. Как-то меня пригласили на просмотр и обсуждение фильма «Крупный разговор». Сказали, актуальная тема. Бригадный подряд. Подряд там в самом деле был. А искусства не было.

Но, с другой стороны, и Зарубин по-своему прав. Почему во время спектакля он должен забывать, что он строитель, и оценивать с позиций «человека вообще»? Искусство ведь адресовано не только всем, но и каждому. Где же, образно говоря, перекрестки наших путей? Я бы рискнула ответить так.

Перед началом нашего «круглого стола» его организаторы сказали, что будет хорошо, если строители заговорят о плановом, цеховом, в критике — о сквозном бригадном подряде. Что называется, в качестве программы-максимум. На это можно было бы возразить: плохо, когда пекарь хлеба берется пирожник, а печь пироги — сапожник. Да никто сегодня, как мне кажется, и не брался не за свое дело. И все же (эта мысль звучала в некоторых выступлениях, и там — здесь задал Левитин), занимаясь каждый своим делом, мы не должны забывать, что оно лишь часть общего дела. И только во взаимодействии с другими его частями имеет смысл и цель. Мы не должны забывать, что вопросы социалистической экономики тесно связаны с вопросами нравственными, эстетическими, идеологическими. А с другой стороны, например, такой важнейший документ, как постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», относится и к работникам идеологического фронта.

«Линия» не иллюстрирует этот закон нашей жизни, но глубоко пропитана его пафосом.

«Круглый стол» организовали и провели

В. СЕМЕНОВСКИЙ, М. ЩЕРБАЧЕНКО.

На снимках: Скибин — В. Гусев; сцена из спектакля.

Фото И. СВИЩЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Читателей, которым захочет более подробно ознакомиться с материалами «круглого стола» (здесь они даны с некоторыми сокращениями — газетная публикация в смысле объема, естественно, уступает журнальной), мы адресуем к журналу «Театр» № 12 за 1983 год.